

Старуха

Сколько ей было лет - никто не знал. Все обитатели квартала привыкли к тому, что она смиренно сидит с утра до вечера чуть поодаль от своих сверстниц, торгующих нехитрым старушечьим товаром: книгами советских времён, банками варенья, самосвязанными носками и варежками.

Мимо стремился не слишком оживленный людской поток, исчезающий в недрах подземки утром и рассеивающийся по подъездам многоквартирных домов вечером. Она, не очень старая ещё женщина, приходила на своё место как на работу, садилась на складной стул и целый день проводила так, перебирая кипарисовые чётки и шевеля губами. Изредка у неё спрашивали, как пройти туда-то и туда-то, и она отвечала, не поднимая головы.

Идти ей было некуда. Дома взрослый сын и невестка наперебой изощрялись в язвительных нападках на её глупость, старость и медлительность. Она давно уже разлюбила свой дом и стремилась бывать там как можно меньше. В глубине души женщина понимала, что её домочадцы так ведут себя не со зла, а потому, что «жизнь такая» - другой жизни они не знали и по-другому вести себя не умели. В любой семье можно было, открыв дверь, тотчас же стать свидетелем непрекращающихся разборок из-за счетов по квартплате, начисленной пенсии, с тем, что «эти гады» опять не выплатили, сколько следовало, за сделанную работу. Ещё обсуждали футбол и телепередачи. Жёны пилили мужей за выпивку, мужья жен - за трату денег. Других разговоров в семьях не было. И если бы кто-то вдруг заговорил о любви, сострадании, почитании старших, о музыке или поэзии - на него посмотрели бы, как на сумасшедшего.

В тот день, когда разгорелась ссора, «старуха», как её называли родственники, осталась дома: ей нездоровилось. Она прилегла на продавленный диван и прикрыла глаза. И когда под вечер дверь в комнату распахнулась - женщина не пошевелилась. Уже по шагам знала, что пришёл сын, и что он сильно навеселе.

- Что, бабка, валяешься? - заплетающимся языком выговорил он. На кладбище належишься. А ну-ка, вставай!

Она не шевелилась.

- Вставай, говорю, - громче произнёс «глава семьи» и вошёл в комнату. - Валяешься целый день, а прибраться некому. Хоть бы в кухне полы помыла - грязь, как на свалке.

- Опомнись, какие полы? Я нагнуться не могу, застудила поясницу, - тихо ответила женщина.

- А нечего на улице торчать! Кавалеров заманиваешь, что ли? Да на такую уродину никто не польстится, не надейся! - выговорил он и громко заржал, довольный своей шуткой.

- Не знаешь - так молчи, - ответила мать. У меня дело есть, очень важное. И при вас я его делать не могу.

- Какие ещё дела у тебя?

- Молюсь я за вас, оглоедов. Не чужие вы мне всё же.

- Молишься?! Тоже работу нашла - не бей лежачего!

- Молчи! Эта работа всякой другой труднее.

- Да, особенно если на ваших попов посмотреть. Поперек себя шире...

- Не смей! Кощунник! - повелительно выкрикнула мать.

- Что-о-о?! Как ты меня назвала?

Он набычился и двинулся к женщине, поднявшейся со своего убогого ложа.

- Так и назвала, как заслужил. А молиться я за тебя до смерти буду. Ты мне сын родной, а не обсевок какой-нибудь.

- И без твоих молитв проживу - пробормотало чадо. И внезапно умолкло. Втайне мужчина почувствовал, что приблизился к той грани, которую переходить не следовало.

- Ну-у, ладно. Молись там своему Богу, если хочешь. Да попроси там, чтобы мне премиальные за прошлый месяц выплатили без обмана. А то...

- Ты бы хоть раз лоб перекрестил. А то как нерусь какая - проговорила мать, чувствуя, что гроза миновала.

- А на что я буду свой лоб крестить? Ты хоть икону какую повесь в доме.

- Табачищем кури поменьше. Или на лестницу выходи.

- Ладно-ладно, богомолка. Давай ставь чайник. Сейчас Люська с работы припрётся.

Люська была жена сына, которого звали Артемом. Артемий и Людмила были вписаны у матери в помянник. И за них она молилась каждый день дома. А когда хватало сил - добиралась в церковь и молилась уже там.

*Марина Васильева
Апрель 2015*